

Крис ван Орден и Наталья Паклина

Певчие птицы с повадками хищника

Близкому знакомству с сорокопутами-жуланами (*Lanius collurio*) мы обязаны нашему соседу по даче Петру Константиновичу. Вернее его способности осуществлять задуманное, что называется, «невзирая на лица». А это, надо вам сказать, не так-то просто делать в маленькой костромской деревне, где каждое новое дело обсуждается всем миром. Несколько лет назад задумал сосед посадить у себя в огороде ели. Вроде бы ничего особенного, но местные старожилы не советовали.

Затенять огород станут, ничего расти не будет, - сказал один.

Зачем тайгу в огород тащить, - удивился второй.

Пустобячество это, - вынес свой приговор третий («пустобячеством» в костромских краях называется все ненужное и бесполезное).

Спорить Петр Константинович не стал, но сделал по-своему. И вот, прошлой весной уже красовался в его огороде ряд трехметровых елей, которыми мы могли любоваться с крыльца своего дома.

Понравилась ели не только нам, но и птицам. В конце мая на крепкой еловой ветке недалеко от ствола облюбовали себе место зяблики. Они только приступили к строительству гнезда, когда прилетел самец-сорокопут. Размером он был немного крупнее воробья – всего см 20 в длину вместе с хвостом, но гораздо наряднее: на большой голове серая шапочка, на груди светлая рубашка, а поверх – красно-коричневый фрак. Просто красавец! Правда, черная «повязка» на глазах, придавала ему несколько пиратский вид, а загнутый на конце клюв, выдавал хищнические наклонности.

На следующий день появилась и самка. Её оперение было намного скромнее: невнимательный наблюдатель мог легко принять её за воробья. Сначала казалось, что самка относится довольно равнодушно к ухаживаниям самца, хотя и принимает от него насекомых в качестве угощения. Но равнодушие было видимым – она, как и самец, занималась выбором места для гнезда. Через пять дней, а именно 1 июня, стало ясно, что сорокопуты, как и зяблики, остановили свой выбор на елях, но жить с зябликами по-соседски они не смогли (или не захотели). Силы были явно неравными, и поэтому после шумной, но недолгой «разборки» зябликам пришлось отправиться на поиски другого места. А сорокопут-самец приступил к строительству гнезда на одной из елей. Самка все время была рядом, но строительством гнезда не занималась.

Дальнейшие события разворачивались на наших глазах, как в театре. К 7 июня гнездо было готово, а спустя три дня самка уже сидела на нем. Это означало, что большая часть яиц была отложена. Самец ловил насекомых и кормил подругу: мелких насекомых он приносил

ей прямо в гнездо, а более крупные трофеи мы стали находить наколотыми на шипы боярышника и терна у себя в саду. Ими сначала были главным образом майские жуки и шмели.

Охрана гнездовой территории тоже входила в обязанности самца. Он атаковал и прогонял с огорода соседа всех мелких птиц. Трясогузки и деревенские ласточки, которые гнездились поблизости, под крышей сарая, предпочитали с ним не встречаться. Но нападать на более крупных птиц он не решался. Замечая их приближение, он только подавал сигнал опасности – громкое встревоженное «чак-чак-чак», понятное, наверно, всем пернатым обитателям деревни. Так он извещал, например, о появлении сороки, которая часто прилетала в деревню из-за оврага и разорила не одно птичье гнездо. Больше всего от нее пострадали дрозды, чьи гнезда были слишком хорошо заметны на ветках старых яблонь.

Прошло две недели с тех пор, как самка начала насиживание. На гнезде мы птиц фотосъёмкой не беспокоили, терпеливо ожидая того момента, когда птенцы покинут гнездо. И вот однажды утром мы увидели, что не только самец, но и самка занимается ловлей насекомых. Это означало, что вылупился, по крайней мере, первый птенец. С тех пор как-то само собой получилось, что мы, не договариваясь, стали звать сорокопутов не иначе, как Папой и Мамой.

Число 6 июля стало знаменательной датой: птенцы покинули гнездо! Похожи они были больше на Маму, только желтый клюв, торчащие во все стороны перышки, да поперечные полоски на оперении отличали их от нее. И, конечно же, поведение. Они еще не умели сами ловить насекомых, а лишь громко кричали, сидя на заборе и трепеща крылышками при виде родителей. У сорокопутов-жуланов кормлением потомства занимаются оба родителя, и прожорливое потомство своим писком не даёт им забыть об этой обязанности. Птенцов было четверо, и сначала они все держались вместе. После получения большого зеленого кузнечика (*Tettigonia viridissima*) или другого насекомого, накормленный птенец на некоторое время умолкал и сидел на ветке, умиротворенно прикрыв глаза. Но к тому времени уже другой птенец был готов принять очередную порцию корма, а за ним третий и так далее, по кругу.

С каждым днем малыши становились смелее и отлетали все дальше от гнезда. Скоро они стали завсегдатаями нашего сада. Количество и разнообразие жертв, наколотых Папой на шипы деревьев, увеличивалось с каждым днем. Теперь там можно было обнаружить и больших зеленых кузнечиков, и лягушат, и обезглавленных ящериц. Крупные жертвы, видимо, служили сорокопутам запасами на ночь, так как обычно появлялись на ветках ближе к вечеру, а к утру исчезали.

Через неделю после вылета из гнезда птенцы, хотя ещё по-прежнему требовали еду у родителей, умели уже сами находить наколотых на шипы насекомых, а также ловить небольших жучков, мошек и муравьев, разгуливая по коротко подстриженному газону. Взрослые сорокопуты охотятся совсем по-другому: они неподвижно сидят на заборе или на ветке дерева, высматривая жертву с высоты, а вниз слетают только за тем, чтобы схватить ее и тут же возвратиться на место.

Самым осторожным из всего семейства был Папа. Он очень огорчал нас тем, что не любил фотографироваться. Когда мы пытались подойти к нему поближе, он сильно беспокоился, о чем «говорил» его хвост, который резко двигался из стороны в сторону. Еще шаг... и Папа уже улетел. Птенцы же, наоборот, нас совсем не боялись: иногда даже казалось, что они не будут возражать, если мы возьмем их в руки. Мама была в меру осторожной, занимая среднее положение между этими двумя крайностями.

Но в охотничьем мастерстве Папе не было равных. Это мы признали окончательно, в середине июля, когда начался сенокос, и Папа стал часто сидеть на копнах сена, охотясь...на полевок! Мы не успевали и глазом моргнуть, а полевка уже висела на ветке терна, наколотая на шип. Эта небольшая птица, весом не больше 50-70 г, т.е. чуть больше своей жертвы, приносила ее на дерево в клюве!

К августу, когда малыши-сорокопуты уже неплохо научились охотиться «повзрослому», Папа однажды решил, что ему настало время отправляться в теплые края. Но перед этим он продемонстрировал нам еще одно свое мастерство – он спел прощальную песню, сидя на ветке облепихи под нашим окном. Как самозабвенно он пел свою незатейливую песню, запрокинув голову и распушив перышки на горле! В его песне слышались радость и удовлетворение от сознания выполненного долга. После 16 августа мы Папу больше не видели. Мама опекала выводок еще неделю, но потом тоже отправилась вслед за супругом. Родители, видимо, были совершенно уверены в том, что дети в их помощи больше не нуждаются, предоставив им возможность самостоятельно добираться до мест зимовки. Остается только удивляться, руководствуясь каким таинственным путеводителем, первый раз в своей жизни находят птенцы путь из костромской деревни в далёкую Африку?

Ещё удивительнее, что обратно к местам гнездования они летят опять другим путем. Их весенний маршрут пролегает гораздо восточнее осеннего. как бы завершая круг. Орнитологи называют такой путь «loop migration».

На пути перелета сорокопутов поджидает множество опасностей. Известно, что к своим гнездовым территориям возвращается не более половины взрослых птиц и только около 6% птенцов. На островах Эгейского моря, например, их поджидает хищная птица -

чеглок Элеоноры (*Falco eleonora*)- которая гнездится очень поздно, и выкармливает своих птенцов как раз в то время, когда начинается осенняя миграция европейских птиц. Там наш маленький хищник из семейства воробьиных сам становится жертвой. По частоте встречаемости в гнездах этого сокола он стоит на втором месте.

Птицы, благополучно достигнувшие африканского континента, зимуют на его восточном и южном побережье.

Дождаться отлета птенцов прошлой осенью нам, к сожалению, не удалось. В начале сентября, когда дела потребовали нашего присутствия в Москве, четыре подросших птенца все еще летали по саду. Нам оставалось только пожелать им счастливого полета и возвращения к родным елям на следующий год.

Год прошёл незаметно. Весной следующего года сорокопуты-жуланы прилетели на несколько дней позже, чем в прошлом году, между 3 и 6 июня. Три пары сорокопутов устроили себе гнезда на окраине леса, недалеко от нашей деревни, но ни одна из них не выбрала в этом году елей соседа. И только тогда мы полностью осознали, какая удача выпала на нашу долю в прошлом году!

Лето выдалось дождливое, и, возможно, поэтому, трем парам удалось вырастить только 4 птенцов. Одна пара потеряла кладку полностью, другая - вырастила 3 птенцов, а третья – только одного. Вернее сказать, четвертого птенца растил почему-то один самец. Первый раз он прилетел со своим малышом к нашему дому в середине июля, когда птенец был уже довольно самостоятельным. Он как раз учился накалывать больших кузнечиков на шипы, а также есть их, сидя на дереве, как это делают взрослые сорокопуты, то есть, крепко держась одной лапкой за ветку дерева, а в другой, как в руке, сжимая добычу. Клювом он осторожно отрывал от кузнечика «лишние» части, стараясь при этом не потерять равновесия. Он ещё точно не знал, какого размера должна быть жертва, чтобы пройти в глотку, и, может быть поэтому, после удаления каждого очередного кусочка, пытался проглотить свою добычу. Когда же это не удавалось, он продолжал, осторожно обрывая лапку за лапкой, уменьшать размер кузнечика .

В этом году мы задержались в деревне до октября и дождались отлета всех сорокопутов. Первая пара сорокопутов-жуланов улетела сразу же, как только потеряла кладку. Другие родители улетели между 1 и 4 августа, а птенцов мы видели в саду ещё около месяца. До 24 августа время от времени в наш сад прилетали все 4 птенца. К 27 августа их осталось только трое, 3 сентября – двое, а 11 сентября улетел последний птенец. Эти отважные путешественники отправлялись в путь по одному, улетая в ночь.

Сорокопуты жуланы, в нашей стране пока остаются обычной и широко распространенной птицей, поэтому мы надеемся продолжить наше знакомство с ними в

последующие годы. Может быть, однажды они построят гнездо на елях, подрастающих рядом с нашим домом.

Ещё совсем недавно в Западной Европе сорокопуть-жуланы тоже были обычными птицами, но всего за каких-нибудь десять-двадцать лет они стали исключительно редкими. Во всей Голландии, например, сейчас гнездится не более 10 пар сорокопутов-жуланов. Не могут похвастаться большими популяциями также Бельгия, Германия и Англия (карта). Причиной резкого сокращения численности сорокопутов-жуланов, по мнению западных ученых, стали, в первую очередь, возросшая плотность населения и нарушение среды обитания этих птиц. Так цивилизованный человек с его возрастающими запросами стал для сорокопутов-жуланов более опасным врагом, чем чеглок Элеоноры. Впрочем, и для многих других видов животных тоже.